

Гу Хуайцин тоже не был беспорочным агнцем. Раз Дуань Минчэнь его игнорировал, он не собирался подставлять свою горячую щёку под холодную задницу, проявляя инициативу в примирении. Поэтому всю дорогу он скакал впереди, демонстрируя гвардейцам лишь свой высокомерный и холодный затылок.

На самом деле Гу Хуайцин ошибался насчёт Дуань Минчэня. Тот не хотел его игнорировать, просто после вчерашних нечистых фантазий, встретившись с Гу Хуайцином вновь, он чувствовал себя особенно грязно и просто не смел смотреть ему в глаза, а потому сознательно избегал.

В те моменты, когда Гу Хуайцин его не видел, Дуань Минчэнь часто задумчиво смотрел на его уходящую вперёд спину, и в его глазах таились эмоции, которых он сам не осознавал.

День прошёл в странном молчании. Днём они скакали, ночью останавливались в постоянных дворах. Гу Хуайцин, как и в первую ночь, занимал отдельную комнату.

Они неслись на юг, и по мере продвижения климат становился теплее, а пейзажи вокруг постепенно менялись.

Ручейки, плакучие ивы, щебет птиц и благоухание цветов — перед ними открывалась вся прелесть ранней весны в Цзяннани. Даже доносившиеся до них деревенские говоры звучали мягко и певуче, на цзяннаньский лад.

К вечеру третьего дня они достигли округа Хуэйцзи. До Минчжоу оставалось уже недалеко, и, по подсчётам, ещё одна ночь — и они будут в лагере Хо Вэйдуна.

Однако они были так поглощены дорогой, что лишь когда стемнело, увидели впереди горный хребет и поняли: до следующего города они уже не успевают. Что ещё хуже, ясная погода сменилась: на небе сгустились тучи, прогремело несколько раскатов грома, и хлынул ливень.

Говорят, весенний дождь драгоценен, как масло, но в этот пронизывающий весенний холод промокнуть до нитки под проливным дождём было не самым приятным занятием.

Ло Цинь, вытирая лицо промокшим рукавом, спросил:

— Старший брат, что делать?

Один из младших офицеров гвардии вдруг указал вдаль:

— Ваша честь, впереди, кажется, есть дом.

Дуань Минчэнь посмотрел в указанном направлении и действительно увидел у подножия горы дом с синевато-серыми кирпичами и белыми стенами. — Пойдём, посмотрим, можно ли там переночевать.

Им повезло: это было семейство охотников, молодые супруги, недавно поженившиеся.

Ло Цинь подошёл, постучал, предъявил верительную бирку гвардии в парчовых халатах, объяснил ситуацию, изложил свою просьбу и протянул охотнику и его жене серебряный слиток в уплату за ночлег.

Супруги были простыми честными деревенскими жителями. В этих глухих местах редко появлялись чиновники, а уж гвардейцы в парчовых халатах — и подавно. Они оробели, стали

отказываться, не смея брать деньги, но после неоднократных уговоров гвардейцев всё же нерешительно приняли серебро.

Дом и так был невелик — простой четырёхсторонний двор, — а тут сразу десять человек. Положение стало напряжённым.

Чтобы принять почётных гостей, супруги уступили свои спальные комнаты, а сами перебрались в кладовую. И даже так удалось выделить лишь четыре комнаты. При таких обстоятельствах Гу Хуайцин, очевидно, не мог занимать комнату один — нельзя же было выгонять других дрыхнуть в сарай?

В конце концов договорились так: Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин займут главную спальню, Ло Цинь и один из центурионов гвардии — другую, а оставшиеся шестеро разместятся по трое в остальных двух комнатах.

Чувство промокшей до нитки одежды было неприятным. Гу Хуайцин сразу же зашёл в комнату, распустил мокрый пучок волос, снял промокший верхний халат и развесил его сушиться, оставаясь лишь в белоснежной нижней рубашке.

Дуань Минчэнь же задержался снаружи, и, когда он наконец вернулся в комнату и, отворив дверь, вошёл, то увидел Гу Хуайцина, полулежащего на кровати с распущенными волосами и в одной нижней рубашке. Непроизвольно вспомнился тот вечерний соблазнительный образ с полурастёгнутым халатом. Сердце у Дуань Минчэня забилося чаще, а ноги словно приросли к порогу.

Гу Хуайцин услышал шаги Дуань Минчэня, но не захотел откликаться, лишь притворился задремавшим.

Дуань Минчэнь, будучи мастером, по дыханию определил, что тот не спит. В душе он посмеялся, взвесил в руке свёрток в промасленной бумаге, приблизился к уху Гу Хуайцина и тихо спросил:

— Хуайцин, не голоден ли?

Был уже почти час Сюй (19-21 вечера). Гу Хуайцин, естественно, был пуст как волк. Он с юных лет любил вкусную еду, а в этой поездке, хотя и не голодал, питался лишь сухим пайком и вяленным мясом, что порядком наскучило.

В нос Гу Хуайцину ударил насыщенный мясной аромат, от которого потекли слюнки. Он не смог удержаться от соблазна, забыв про обиду, глубоко вдохнул этот запах и открыл глаза:

— М-м-м... Что это у тебя такое вкусное?

Дуань Минчэнь, глядя, как тот подбирается, подставляет нос к свёртку и жадно принюхивается, — точь-в-точь кот, учуявший рыбку, — невольно улыбнулся с нежностью. Он естественным движением протянул руку, погладил Гу Хуайцина по голове и сунул свёрток ему в объятия:

— На, держи, ешь скорей.

Гу Хуайцин принял свёрток — тот был ещё тёплым. Развернул и увидел: снаружи чёрный ком, но, очистив, обнаружил золотистую курицу — хрустящую снаружи и нежную внутри, аромат просто опьяняющий, слюнки текут.

Гу Хуайцин радостно ахнул:

— Цыплёнок, запечённый в глине! Где ты его взял?

— Подумал, ты наверняка голоден. Как раз хозяева подстрелили маленького фазана. Я по местному способу приготовил цыплёнка в глине.

— Сам приготовил? — удивился Гу Хуайцин.

— Да, просто сделал. Не знаю, придёт ли по вкусу, но раз уж я лично старался, почти отведай? — В уголках губ Дуань Минчэня играла тёплая улыбка, ласковая и прекрасная, словно цзяннаньское весеннее солнце.

В груди у Гу Хуайцина стало тепло. Он быстро опустил голову, оторвал кусочек курицы и отправил в рот. Легко прожёвывая, почувствовал: нежно и вкусно, аромат наполнил рот — непередаваемое наслаждение. С детства попав в дворец слугой, хоть первые годы и были трудными, но с тех пор как он последовал за Сяо Цзином, каждый день носил парчу и питался яствами, изведая все деликатесы Поднебесной. Однако сейчас он подумал, что ни одно из тех изысканных блюд не сравнится с этим простым на вид цыплёнком в глине.

— Ну как? Вкусно? — с улыбкой спросил Дуань Минчэнь.

— Вку-усно! — с набитым ртом ответил Гу Хуайцин. Те самые белые, изящные руки, что вершили казни, разрывали курицу с невероятной ловкостью: кусочек за кусочком срывал с костей и отправлял в рот, щёки раздувались, двигаясь в такт.

Когда Гу Хуайцин только попал во дворец, из-за строптивного нрава его часто наказывали. Дворцовых наказаний было много, побои — ещё куда ни шло, хуже всего был голод. Постепенно у него развилась одержимость едой. В его сердце лишь вкусная пища не подлежала пренебрежению.

Мгновение — и словно вихрь смел остатки облаков. Большая часть цыплёнка была уничтожена. Гу Хуайцин наелся досыта и вдруг громко рыгнул. Встретившись с насмешливым взглядом Дуань Минчэня, он смущённо вытер рот и спросил:

— А ты... уже ел?

— Я с ними немного риса съел.

Выходит, этого цыплёнка он приготовил специально для него, отдельно. Гу Хуайцин обрадовался ещё больше, но в то же время почувствовал лёгкую неловкость. Внутренне поборолся и, словно приняв важное решение, подтолкнул оставшуюся маленькую половину цыплёнка к Дуань Минчэню:

— На... я наелся, остальное — тебе.

Дуань Минчэнь отлично видел борьбу в его глазах и едва сдерживал смех. Раз уж цыплёнка готовили для Гу Хуайцина, как же он мог с ним соперничать? Но выражение лица Гу Хуайцина было таким забавным, что Дуань Минчэнь захотелось его подразнить.

Он вернул цыплёнка обратно в руки Гу Хуайцина, но сам приблизился лицом, уголки губ приподнялись, и он смотрел на того в ожидании.

Это... хочет, чтобы его покормили? Гу Хуайцин опешил.

Улыбка в уголках рта Дуань Минчэня стала глубже, он даже слегка приоткрыл рот, обнажив два ряда белых зубов.

Цыплёнок в глине был и вправду невероятно вкусным. Гу Хуайцину и вправду было жаль отдавать, но ведь цыплёнок раздобыл и приготовил именно он. Есть всё в одиночку было как-то нехорошо.

Помедлив, Гу Хуайцин с ожесточением оторвал единственную оставшуюся целую куриную ножку и поднёс ко рту Дуань Минчэня. Тот не стал принимать её руками, а просто взял в рот и, прямо с руки Гу Хуайцина, принялся обгладывать.

Дуань Минчэнь ел ножку, но глаза его пристально смотрели на Гу Хуайцина. Ел он тщательно, не расточая ни крошки, не оставляя даже у основания. Язык даже коснулся пальцев Гу Хуайцина. Тёплое ощущение на кончиках пальцев заставило Гу Хуайцина вздрогнуть всем телом, и он чуть не выронил ножку.

— Действительно... очень вкусно... — глаза Дуань Минчэня ярко горели, а голос звучал слегка хрипло.

Из-за кормления они оказались очень близко. Так близко, что Гу Хуайцин чувствовал тёплое дыхание Дуань Минчэня на своём лице, накатывающее волнами жара.

<http://bllate.org/book/16283/1466866>